

Anna Pavelyeva

SPATIAL OPPOSITION *UP/DOWN* IN GOGOL'S CYCLE «THE EVENINGS AT THE FARMSTEAD NEAR DYKANKA»

The main object of investigation in this article is the spatial opposition *up/down* in Gogol's cycle «The Evenings At The Farmstead Near Dykanka». The author of the article proves, that spatial opposition *up/down* is implemented in «Ukrainian» short-stories by Gogol with the help of the images of the World Tree, an oak, a river, the moon and etc. Connection of the mentioned spatial reference points with the opposition good/evil is underlined

Key words: *up, down, World Model, World tree, ladder, sky, ground.*

Одержано 11.02.2010 р., рекомендовано до друку 25.03.2010 р.

УДК 821.161.1 – 1.09
ВИКТОРИЯ ЛЮЛЬКА
(Полтава)

**ЭПИГРАФЫ В РОМАНЕ А.С.ПУШКИНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» КАК ФОРМА
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ**

Ключові слова: *інтертекстуальність, роман у віршах, епіграф, цитата.*

Современное состояние исследования художественных произведений отмечено повышенным интересом к проблеме интертекстуальности. Однако на сегодняшний день границы и содержание понятия «интертекстуальность» в литературоведении не выяснены окончательно, о чем свидетельствуют многочисленные дискуссии и разнообразные толкования термина. Прояснить вопрос, по нашему мнению, могут не только теоретические разработки, но и сравнительно-исторические исследования, в которых можно было бы проследить конкретные формы интертекстуальности, специфику ее проявления в разных родах и жанрах, своеобразие развития в творчестве отдельных писателей. Углубленное изучение теории интертекстуальности неотъемлемо от анализа этого явления в художественном творчестве. В связи с этим изучение творчества А.С.Пушкина с точки зрения интертекстуальности является необычайно важным.

На наш взгляд, при исследовании конкретно-исторических проявлений интертекстуальности в литературе, в том числе и при анализе творчества А.С.Пушкина, именно понятие «интертекстуальность» целесообразно использовать в узком понимании – как использование компонентов какого-нибудь текста (или текстов) в структуре художественного произведения и возникающие на этой основе межтекстовые отношения, которые способствуют реализации авторского замысла и активизируют читательское восприятие. Можно вполне согласиться с мнением Э.Я.Фесенко, которая понимает под интертекстуальностью «выраженную с помощью различных приемов связь с другими произведениями» [10, с.35]. К числу таких приемов относятся, например, эпиграф, пародия, перифраз, цитирование, упоминание знакомых читателям сочинений других

авторов, использование крылатых слов и выражений, известных из литературных образцов. Перед исследованием форм интертекстуальности стоит задача определить не только следы (цитаты, образы, мотивы, знаки и т.п.) тех или иных произведений, которые предшествуют изучаемому произведению, но и то, как они повлияли на идейно-эстетическую структуру произведения. Важным также является установление художественных способов (приемов) усвоения писателем других текстов и то, насколько «чужое слово» способствует выражению «своего слова» в литературе. Это помогает выявить своеобразие творчества художника, особенности его индивидуального стиля и место в литературном процессе.

Роман в стихах «Евгений Онегин» А.С.Пушкина – один из самых значительных явлений не только русской, но и европейской литературы, поэтому его эстетическое восприятие не будет полным без изучения романа в контексте европейского литературного процесса и европейской культуры.

Эпиграфы играют значительную роль в композиции романа в стихах «Евгений Онегин». Следует отметить, что А.С.Пушкин придавал эпиграфам огромное значение, взяв за основу байроновскую систему эпиграфов. Главам поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда» Дж.Г.Байрона предшествовали эпиграфы, которые выполняли разнообразные функции: раскрывали авторскую точку зрения, способствовали созданию образа лирического героя, помогали воссозданию художественного времени и пространства и др. А.С.Пушкин к каждой главе своего романа также подобрал эпиграф, который служил своеобразным ключом.

В авторских рукописях первой главы «Евгения Онегина», как известно, было несколько эпиграфов. Впоследствии все они были отброшены А.С.Пушкиным, кроме одного («Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием как в своих добрых, так и дурных поступках, – следствие чувства превосходства, быть может мнимого» [8, с.5]), заменившего все остальные и оставшегося перед текстом первой главы, вышедшей в Петербурге отдельным изданием около 20 февраля 1825 года [9, с.97]. Вопрос о том, почему эти эпиграфы тщательно подбирались поэтом, чередовались друг с другом, а затем постепенно исключались из текста его романа в стихах, почти не привлекал к себе внимания исследователей. Однако мы хорошо знаем, какую важную роль играли эпиграфы в творчестве А.Пушкина во все периоды его жизни и деятельности. Как род цитаты, заимствованной из чужого литературного произведения, который должен подготовить читателя к восприятию и пониманию того текста, которому он предпослан, эпиграф стал для А.С.Пушкина одним из любимых приемов творческого мышления. Поэтика эпиграфа у А.С.Пушкина как тончайшего искусства словесного сопоставления, выбора и применения чужих слов для лучшего понимания давно заслуживает специального изучения.

Впервые этому вопросу уделил внимание С.Д.Кржижановский, который в статье «Искусство эпиграфа: Пушкин» [4] выделил проблему изучения эпиграфов в романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Это был первый опыт системного анализа эпиграфов к пушкинскому произведению. В.В.Виноградов в труде «Стиль Пушкина» [3] осуществил интерпретационный анализ отдельных эпиграфов к роману. Особо следует отметить «Комментарий к роману А.С.Пушкина «Евгений Онегин» В.В.Набокова [7], в котором литературовед обратился к источникам эпиграфов, что дало возмож-

ность нового толкования эпитафий и их функций в романе писателя. В последующие годы проблемой эпитафий в романе А.С.Пушкина занимались Ю.М.Лотман [5], С.Г.Бочаров [1], Н.Л.Бродский [2], Г.П.Макогоненко [6] и др. Тем не менее, проблема эпитафий к роману А.С.Пушкина «Евгений Онегин» с точки зрения интертекстуальных отношений еще не решена окончательно, что обусловило актуальность нашего исследования.

Эпитафия к первой главе взята из стихотворения П.Вяземского «Первый снег» (1819), в содержании которого А.С.Пушкин разглядел черты своего героя. В своем произведении П.Вяземский рассказывает о молодых людях своего времени, которые радостно мчатся на тройке по первому снегу:

*Кто может выразить счастливец упоенье?
Как вьюга легкая, их окрыленный бег
Браздами ровными прорезывает снег
И, ярким облаком с земли его взвевая,
Сребристой пылью окидывает их.
По жизни так скользит горячность молодая,
И жить торопится, и чувствовать спешит!* [2, С.546-547].

Как отмечает Ю.М.Лотман, реминисценция из этого отрывка была включена поэтом в выпущенную в дальнейшем IX строфу первой главы, посвященную связи между ранним развитием и «преждевременной старостью души»:

*Природы глас предупреждая
Мы только счастью вредим
И поздно, поздно вслед за ним
Летит горячность молодая* [2, с.547].

Так же, по мнению исследователя, описания зимы в «Евгении Онегине» влекут за собой реминисценции из стихотворения «Первый снег» (у П.Вяземского: «сребристой пылью», у А.Пушкина – «Морозной пылью серебрится» [3, с.11]).

Выбирая для эпитафии стихи П.Вяземского, А.Пушкин побуждал читателей внимательнее присмотреться к своему герою и выяснить, как же жил Евгений Онегин в молодые годы, какие душевные утраты испытал, во что верил, что любил, и что, в конце концов, его ожидало в будущем.

Второй главе предшествует эпитафия из Горация: «O rus!...», в котором воссоздан условный образ деревни: «О, когда я увижу поля! И когда же смогу я то над писаньями древних, то в сладкой дремоте и лени наслаждаться вновь блаженным забвением жизни тревожной!» [Цит. по: 2, с.587]. Читатель пушкинской поры, хорошо знакомый с произведениями Горация, надеялся, что он увидит изображение деревни в восторженном романтическом плане, что А.С.Пушкин будет воспевать все прелести свободной, природной деревенской жизни. Однако содержание второй главы, как и последующих, противоречит этим надеждам. А.С.Пушкин выступил тут как реалист, показав истинное состояние деревни и реальный трагизм жизни человека того времени. Поэт заставил читателей увидеть всю правду действительности, которая прямо противоре-

чит романтическому образу. А.С.Пушкин выступил тут как философ, как исследователь человеческих отношений и всего общества. Он воспроизвел противоречия между традицией условно-литературного образа деревни и реальной провинцией, в которой господствовали пошлость, лицемерие и падение нравов.

Эпиграф к третьей главе взят из поэмы Мальфилатра «Нарцисс, или Остров Венеры»: «Она была девушка, она была влюблена» [3, с.44]. В этих строчках подчеркивается романтическая натура, влюбленность Татьяны, но в этом же эпиграфе содержится скрытый намек на эгоизм, самовлюбленность Евгения Онегина (он опосредственно сравнивается с мифическим Нарциссом, который пренебрег любовью нимфы Эхо, за что был наказан богиней любви Афродитой).

К четвертой главе выбран эпиграф из книги Ж.Сталь «Размышление о французской революции» (1818): «Нравственность – в природе вещей» [3, с.63], в которой автор говорит о том, что мораль – основа жизни человека и общества. С помощью данного эпиграфа А.С.Пушкин призывает поразмыслить над моралью своего времени и общества. И здесь вновь наблюдаем столкновение романтического и реалистического начал в интертексте. В романе «Евгений Онегин» показаны процессы разрушения нравственности, духовные трансформации человека и общества.

Эпиграф к пятой главе взят из баллады В.Жуковского «Светлана»: «О, не знай сих страшных снов Ты, моя Светлана!» [3, с.80]. Этот эпиграф создает дополнительную характеристику Татьяны, подчеркивая романтическую натуру героини. Вместе с тем эпиграф содержит намек на последующие страшные события, которые произойдут в романе – дуэль и смерть Ленского. Кроме того, эпиграф имеет и сатирический оттенок. Перед приездом гостей Татьяне приснился страшный сон с разными химерами, фантастическими чудовищами, а во время именин в доме Лариных эти гротескные персонажи реально воплощаются в образе деревенских обывателей:

*В гостинной встреча новых лиц,
Лай мосек, чмоканье девиц,
Шум, хохот, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилиц крик и плач детей [3, с.90].*

А.С.Пушкин подчеркивает, что бездуховный мир является страшным сном для героини, в котором она вынуждена жить всю свою жизнь.

Эпиграф к шестой главе взят из книги Ф.Петрарки «На жизнь мадонны Лаурь»: «Там, где дни облачны и кратки, Родится племя, которому умирать не больно» [3, с.97]. Он приобретает глубокое философское звучание, заставляя читателей задуматься над проблемой смерти. А.С.Пушкин разрабатывает тему жизни и смерти в этой главе, показывает смерть Ленского не в романтическом виде, а в реальном, трагическом плане (с точки зрения Онегина и автора).

К седьмой главе автор выбрал несколько эпиграфов – это стихотворения о Москве И.Дмитриева, Е.Баратынского, А.Грибоедова:

*Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать?
И.Дмитриев*

Как не любить родной Москвы?

Е.Баратынский

*Гоненье на Москву! Что значит видеть свет!
Где ж лучше? Где нас нет.*

А.Грибоедов [3, с.115].

Тройной эпиграф еще более подчеркивает неоднозначность и сложность жизни в изображении А.С.Пушкина, а также выражает его собственный взгляд, который не похож ни на одну из предыдущих литературных традиций.

Восьмой главе «Евгения Онегина» предшествует эпиграф, взятый автором из начала стихотворения Дж.Байрона «Fare Thee Well» («В добрый путь»):

*Fare thee well! and if for ever,
Still for ever, fare thee well... [3, с.136].*

Н.Л.Бродский считает, что данный эпиграф может быть понят трояко. Поэт говорит «прости» Онегину и Татьяне. Также этими словами Онегин шлет последний прощальный привет Татьяне [1, с.276]. Ю.М.Лотман предлагает обратиться непосредственно к тексту произведения «Евгения Онегина», чтобы понять смысл эпиграфа и того, что этим хотел сказать поэт:

*Кто б ни был ты, о мой читатель,
Друг, недруг, я хочу с тобой
Расстаться нынче как приятель.
Прости... [3, с.157];*

*Прости ж и ты, мой спутник странный,
И ты, мой верный идеал,
И ты, живой и постоянный [3, с.157].*

Итак, мы видим, что таким образом А.С.Пушкин прощается со своими читателями, героями и с романом «Евгений Онегин» в целом.

Таким образом, эпиграфы к главам романа в стихах «Евгений Онегин» выражают ироническое отношение поэта к романтическим образам и ситуациям, а содержание каждой главы убеждает читателей в том, что А.С.Пушкин пытался исследовать сущность реалий жизни, а не их романтическую окраску. Движение пушкинского романа в стихах сквозь русскую и мировую культуру совершалось в широком спектре интерпретаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина: Очерки / С. Г. Бочаров. – М. : Наука, 1974. – 207 с.
2. Бродский Н. Л. Комментарии к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Н. Л. Бродский. – М. : Мир, 1932. – 352 с.

3. *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина / В. В. Виноградов. – М. : Гослитиздат, 1941. – 618 с.
4. *Кржижановский С. Д.* Искусство эпитафия : Пушкин / С. Д. Кржижановский // Лит. учеба. – 1989. – № 3. – С. 102–112.
5. *Лотман Ю. М.* Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. «Евгений Онегин». Комментарий / Ю. М. Лотман. – СПб. : «Искусство – СПб», 2003. – 848 с.
6. *Макогоненко Г. П.* Роман Пушкина «Евгений Онегин» / Г. П. Макогоненко. – М. : Худож. лит., 1963. – 146 с.
7. *Набоков В. В.* Комментарий к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / В. В. Набоков. – М. : НПК «Интелвак», 1999. – 1007 с.
8. *Пушкин А. С.* Избранные произведения : в 2 т. / А. С. Пушкин. – М. : Худож. лит., 1970. – Т. 2 : Романы. Повести. – 479 с.
9. *Смирнов-Сокольский И.* Первая глава «Евгения Онегина» / И. Смирнов-Сокольский // Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина / И. Смирнов-Сокольский. – М. : Всесоюзная книжная палата, 1962. – С. 95–112.
10. *Фесенко Э. Я.* Теория литературы: учебн. пособ. [для вузов] / Э. Я. Фесенко. – [изд. 3-е, доп. и испр.]. – М. : Академический проект; Фонд «Мир», 2008. – 780 с.

Виктория Люлька

ЭПИГРАФЫ В РОМАНЕ А.С.ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» КАК ФОРМА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Данная статья посвящена анализу эпитафий романа в стихах «Евгений Онегин» А.С.Пушкина. Уточнено понятие интертекстуальности и определены его формы в художественном тексте. Раскрыты функции эпитафий как формы интертекстуальности в романе «Евгений Онегин». Показано соотношение романтического и реалистического в пушкинском интертексте.

Ключевые слова: *интертекстуальность, роман в стихах, эпитафия, цитата.*

Viktoriya Lyulka

EPIGRAPHS IN THE NOVEL «EVGENIY ONEGIN» BY A.PUSHKIN AS A FORM OF INTERTEXTUALITY

This article is devoted to analysis of the epigraphs in the novel «Evgeniy Onegin» written by A.Pushkin. The definition of intertextuality is specified here, and it is defined its forms in the work of art. In the article the functions of epigraphs as a form of intertextuality in the novel «Evgeniy Onegin» are uncovered. It is shown the correlation of romantic and realistic in the intertext of Pushkin.

Key words: *intertextuality, novel in verses, epigraph, citation*

Одержано 10.02.2010 р., рекомендовано до друку 25.03.2010 р.